Родился в Саранске. Учился на журналиста. Окончил Литературный институт им. А. М. Горького (2002), семинар поэзии Игоря Волгина. Работал в местных газетах, печатался в республиканских журналах и альманахах, за год до смерти стал лауреатом конкурса молодых поэтов Подмосковья «Золотое перо». Умер от инфаркта. Через несколько дней после смерти вышла его книга «Остров, полный звуков». Стихи Сергея, воспоминания его друзей, коллег и сокурсников составили сборник «Цветы и звёзды» (Саранск, 2006).

АНГЕЛ НОМЕР ШЕСТЬ

* * *

Как страшно быть элементом эпоса.
Царём быть лучше, героем проще —
врываться с боем в чужие крепости
и петь пеаны в священной роще.

Как тяжко в песнях, людей чарующих,
быть ерундой, драпировкой в зале,
как трудно видеть вождей пирующих
и слышать всё, что они сказали, —

© Наследники Сергея Казнова, 2016

и промолчать! И потупить голову,
терпеть и воле чужой отдаться.
Как страшно жить, не имея голоса:
песчинкой быть — и не разрыдаться!

Быть неприметным цветком цикория
среди цветущего пышно луга.
За Одиссеем следит история.
За его садом следит прислуга.

И знать: вовек ничего не выпросят
твои моленья, твои стенанья.
Сегодня терпят, а завтра выбросят
и позабудут твоё названье.

Слепой певец поглядит ехидно
и прикажет с пейзажем слиться
тебе, забытому, как Брюнхильда,
на триста двадцать восьмой странице.

твоё волненье, твоё горение
не в силах петь, а едва бормочет:
творец сильней, чем его творение,
и унижает его как хочет.

Портьера пыльная, полка книжная,
глотая тихие, злые слёзы,
я тоже здесь, и молчу униженно,
и эпос вертит свои колёса.

* * *

Вот пейзаж нам задан: домик, мезонин.
Запах — то ли ладан, то ли вазелин.
Здесь живут две женщины, странная семья:
память о прошедшем и любовь моя.
Горечь и красу мирка делят на двоих.
Память бродит в сумерках в комнатах своих,
как аббат у Чосера, с каменным лицом,
там, где ты расчёсывала волосы с концов,
собирала листья в пламенный букет,
улыбалась, чистя каменный паркет,
завивала волосы с печкой визави,
пела звонким голосом о своей любви,
где полвека минуло, как четыре дня.
Там, где ты покинула навсегда меня.
А любовь всё кружится в платьице из роз,
осушая лужицу памятиных слёз,
приставляя лесенку к чердаку зимой,
напевая песенку о себе самой.

СТАНСЫ

Девочка, как тебя величать,
тёмная кровь,
я научил тебя различать
секс и любовь,

я покупал тебе на Тверской
сок и инжир,
я познакомил тебя с тоской
и подружил.

Нынче неважно, кто в барыше —
он небольшой.
Я выжигал по твоей душе
с лёгкой душой,

я тебе в сердце под рёбра вбил
стержень копья —
но ни один тебя не любил
так же, как я.

А за науку чудный ответ
ты мне дала —
горстью отсыпала звонких монет
из-за угла.

Дальше — молчи, я почти простил,
дальше — во тьму,
но для кого я тебя растил —
сам не пойму.

* * *

Не пеняй мне за ревность,
оправдаюсь вполне.
Даже ветхая древность
на моей стороне.

Хоть бояться другого
не пристало Отцу,
ревновал Иегова
к золотому тельцу.

Мы из праха и тлена.
Нечестивую плоть

до седьмого колена
поражает Господь.

И того лишь спасает,
кто в Господней руке.
Это в книге Исайи
видно в каждой строке.

Все евреи, арабы
себе ставят на вид:
выживает лишь слабый,
кто Его не гневит,

соблюдает субботы,
не читает Рембо
и не ищет свободы,
потому что слабо.

* * *

Мы встречались в лохматом тумане всего
только год; ты не знала сама для чего.
Только спички спасали меня от пожара.
За то время, пока ты не знала сама,
я успел доказать теорему Ферма
и всерьёз занялся кубатурою шара.

И когда я, мечтая исчезнуть в толпе,
выхожу вечерами на рю де ля Пэ,
я вас вижу: вы вместе, но вряд ли поженитесь.
Стар я стал, да и просто устал, наконец,
наблюдать, как тоскует влюблённый юнец,
принимая «десятку» за «Киа Маджентис».

Я давно не любитель подобных картин,
у меня есть внутри свой святой Валентин,
сам себе живописец, мольберт и картина.
Оттого-то и хочется мне поскорей
перестать увлекаться судьбою зверей
и направить ружьё на хозяина тира.

* * *

Из предрассветного озноба
всплывают ветви, кочки, мхи.
Ты так творил весь мир, должно быть,
как ныне пишутся стихи.

Пучины, горные вершины
ты нашептал в полубреду,
без объясненья и причины,
как яблоня цветёт в саду.

И нынче в августе червонном
крик перепёлки луговой
рифмуется с протокой сонной
и свежескошенной травой.

А сила утреннего клёва
созвучна слову «благодать» —
и грош цена такому слову,
какое можно угадать.

На перекрёстках мирозданья
у мирозданья за спиной
срифмовано моё страданье
с полётом бабочки ночной.

На всём, что живо, что истлело,
лежит одна Твоя печать,
но подорожник от омелы
Ты сам не должен отличать.

* * *

Все, кто пел и плясал о высоком,
наконец-то довольны вполне:
истекаю я клюквенным соком,
дорогая моя Шаганэ.

Обливаюсь я влагой венозной
и уже ничего не прошу,
и стакан, как сосуд кровеносный,
я устало к устам подношу.

Мне казалось, я высох и выжат,
чтоб уже не наполниться впредь,
но понятно: мне велено выжить,
чтобы было кому умереть.

Искажён и истрачен любовью,
я оставлен в живых до поры,
и летят к моему изголовью
истерические комары.

ЭЛЕГИЯ

Как машина стоит на четырёх домкратах,
как земля плывёт в океане на трёх китах, —
моя жизнь, погружённая в смерть на четыре пятых,
ещё различает ягоды на кустах.

Торопись, крыжовник; молись за меня, малина;
и на помощь ко мне, смородина трёх цветов,
ибо, ежели вправду клин вышибают клином,
то и я принять ваши ласки уже готов.

Я учил её близорукости, препинанью,
и счастливой любви, и сворачиваться ежом,
и слезам навзрыд, и сам был обложен данью,
и её долги пунцовели платежом.

Слышишь, скорая полночь, забей мне в запястья гвозди
и не говори, которое ты число.
Ничего не надо. Она любит стручки и гроздья,
и на что ей горох, из которого проросло.

Познакомь меня лучше с какой-нибудь из ущербных,
вроде той луны, красотки наверняка,
чтобы вместе слушать шуршанье шмеля и щебня
и глотать по ночам чёрный кофе без молока.

* * *

Эта осень — особенно долгая,
век бессонниц моих, полудрём,
и сшивает неспешной иголкою
август лета с моим декабрём,
и такою раскинулась Волгою,
что как будто мы все не умрём.

Чудотворные наши обители,
выходящие из берегов,
богомольцы, сектанты, любители
всех Озирисов и Иегов,

я не верю вам, братья-святители,
не бывает на свете богов.

Это просто питаются стонами
духи, вечно хотящие есть,
и кружатся над нами фантомами,
пожирая молитвы и лесть;
имена их — скорее антонимы
для того, что действительно есть.

Молодое, весёлое, вздорное,
посиделки в высокой траве,
тополиная пыль коридорная
на рассвете, в июне, в Москве, —
вот она, моя точка опорная,
вот он, путь к золотой синеве.

Только память и свет, только пение,
только это стальное перо,
только золото, пусть и осеннее,
только утреннее серебро, —
вот она, моя честь и спасение,
и молитва, и зло, и добро.

Потому что листва тополиная
облетела и стала немой,
потому что спиральная линия
обязательно станет прямой;
эта осень — особенно длинная,
но кончается тоже зимой.

ЭЛЕГИЯ

Издалека заводим речь:
весна, свобода.
Она и время наших встреч,
и время года.

Она на ранних поездах
весь день каталась
и в отцветающих садах
навек осталась.

Сулила кончиться добром,
неслась верхами
и пахла глиною, костром,
дождём, духами.

Как Пасха следом за Страстной
приходит слепо,
теперь за прожитой весной
настало лето.

Забьётся медленно в висках,
и ясно станет:
само потонет в облаках
и нас потянет.

Оно, как ангел номер шесть,
стоит с трубою
и погребает все, что есть,
и нас с тобою.